

Насекомые плакали, чтобы сообщить миру о своей короткой жизни. Больница армии Лейденшафтлиха была окружена лесом с пышной зеленью. Путь, по которому проходили инвалидные коляски, проталкиваемые солдатами-добровольцами, недавно стал превращаться в место отдыха для пациентов. Деревянные столы и стулья были разбросаны по ходу, и нередко случаи, когда сотрудники больницы разносили еду вокруг в обеденный перерыв. И в этой обстановке находились мужчина и девушка.

«Маленькая Вайолет, ты не устала?».

Оба сидели на пеньках рядом друг с другом. Прошло некоторое время с их воссоединения в начала лета, и они спокойно проводили лучшую минуту пребывания на солнце. Это был ветреный, освежающий и спокойный летний день.

«Проблем нет, президент Ходжинс. Как насчет еще десяти прогулок?».

Вайолет была в свободном хлопковом платье. Хотя это была простая и обычная одежда, изумрудная брошь блестела на ее груди. Она время от времени смотрела на него, чтобы подтвердить на месте ли он. Наблюдая за ней, Ходжинс улыбнулся, не став указывать на это.

«Так не пойдёт. Доктор сказал тебе просто пройтись и вернуться, не так ли? Я также начинаю беспокоиться, когда вижу тебя такой... Я подтолкну тебя на обратном пути.».

"Но..."

«Нет.»

"Но..."

«Ты не можешь. Я сразу узнаю, заставляешь ли ты себя через силу.»

"Все в порядке..."

«Теперь нужно стереть этот пот, иначе ты простудишься». Ходжинс достал платок. Вайолет схватилась за него, не давая ему тщательно протереть лоб. «Не могу ли я быть тем, кто его протирал?»

«Никак нет. Иначе я не смогу практиковаться.».

«Но, эй, ты испортишь причёску».

«Никак нет. Тот, кто сказал, что я должна прежде всего научиться двигать этими руками, были вы, майор... Президент Ходжинс. На самом деле ... в этом состоянии, я не буду полезной майору. Наоборот, я стану мертвым грузом.»

При этом Ходжинс не позволил себе проявить ни горьких улыбок, ни огорченных выражений.

С тех пор, как девочка-солдатка Вайолет проснулась, количество посещений, которые он ей нанес, составило два месяца. Каждый раз, когда они виделись, его первым делом постоянно спрашивали, посетит ли её Гилберт Бугенвиллия. Последний не пришел до сих пор.

Ходжинс не мог ничего с этим поделать, но ему также было тяжело справляться с печальным лицом Вайолет, когда ему приходилось говорить: «Он не придет сегодня». Поэтому он убедил ее: «Пока Гилберт не приходит, ты должна перестать оплакивать его отсутствие, а делать все, что ты в силах сделать. Другими словами, отдыхать и идти по пути восстановления. Твоя

миссия – быть в состоянии использовать свои руки с гордостью, когда ты встретишь его.

Это оказало глубокое влияние на Вайолет.».

«Я определенно освою использование этих рук даже лучше, чем моими собственными. Estark Inc. выпускают специализированные боевые протезы... если мои навыки их догонят, я смогу стать еще более полезным существом.».

Она была из тех людей, которые сияли ярче, когда выполняли задания или приказы. Это была ее главная черта.

«Нет это не так. Просто существуя, девушки уже столь же достойны похвалы и прекрасны, как и чудесные прозрачные воды, которые текут из горных источников. Мужчины грязные.».

«Я не понимаю этот пример, но я думаю, что, хотя я не могу получить приказ майора, я должна тренироваться самостоятельно».

"Ладно..."

Это был несколько странный разговор, но настроение не было мрачным. Наоборот: двое из них, представлявшие собой неприятную комбинацию, неожиданно ознакомились друг с другом. И это, если предаться воспоминаниям о взаимоотношениях Ходжинса, не так уж и странно. Он и Гилберт были лучшими друзьями, но Гилберт переписывался с ним по существу в нивелированной манере. Между тем, у Ходжинса была хитрое свойство предлагать свои романтические чувства женщинам, но и в то же время любить окочалчиваться среди красивых людей, независимо от того, какого они пола.

«Это хитрый образ жизни, да, Маленькая Вайолет, да...». Ходжинс тоже сделал комментарий, предположительно о самом себе, но безличный.

Вайолет несколько раз поднимала носовой платок, роняя его на колени, пока наконец, смогла вытереть пот. Она вышла из своего прежнего состояния, когда вообще не могла использовать свои руки, но еще не получила разрешения делать все самостоятельно.

"Молодец." Закрепив ее растрепанные локоны кончиками пальцев, Ходжинс усадил Вайолет на инвалидное кресло.

«Мы уже уходим?»

«Ветер стал холодным».

«Я больше не буду потеть.»

«Если ты умеешь, я хочу, чтобы ты научила меня этой технике. Неважно, как сильно ты этого хочешь, никто не может этого сделать. Давай вернемся в твою комнату.»

— Именно по той причине, что она ребенок, который заставляет себя насильно, я не хочу разрешать ей делать слишком много лечебных упражнений. - подумал Ходжинс, не спеша толкая инвалидное кресло.

Как всегда, реакция Вайолет была беспристрастной, но, опустив глаза, она казалась несколько подавленной. Это было только собственное предположение Ходжинса - однако именно так она на него смотрела.

— Даже так, нехорошо отнимать то, что она делает. Нет ли лучшего метода обучения?

Двое, привыкшие к тишине, вернулись в комнату. Она была не большой, но этого было достаточно, чтобы избегать посторонних. Девушка-солдатка с искусственными верхними конечностями, о которой действительно знали только те, с кем она была близка, часто была объектом грубости и невежливого взгляда.

В результате перевода в частную помещение, Ходжинс смог принести ей много подарков. При входе, аромат свежих цветочных композиций доносился до них, и несколько плюшевых игрушек приветствовали дуэт. Одежда и обувь, которые она еще не носила, лежали в сваленных коробках, обмотанных лентами. Это была очень девичья комната. Внутри нее выдающаяся фигура Вайолет, сидевшая на кровати, была похожа на куклу.

«Маленькая Вайолет, у меня для тебя кое-что есть.».

«Я получила достаточно. Я ничего не могу дать взамен. Мне придется отказаться.» Вайолет покачала головой и повернулась в сторону, демонстрируя предсказуемый отказ от Ходжинса, который приносил что-то во время каждого визита, как любящий дедушка для своей внучки.

«Нет, это не сильно дорогое. На самом деле, это мой подержанный блокнот. Перьевая ручка тоже. Я просто поменял чернила, поэтому не думаю, что они скоро закончатся.» Ходжинс положил предметы на стол, установленный в отдельной комнате, - блокнот в форме книги в твердом переплете и золотая перьевая ручка.

Взволнованная, Вайолет села перед столом и вызвалась принять их. Было использовано только несколько листов блокнота. Ходжинс вырвал их и выбросил.

«Давай сделаем из этого ... тренировку для твоих рук. Занимайся каллиграфией. Если я прав, ты можешь написать свое имя, верно?».

«Да ... однако я не могу написать ... другие слова».

«Разве это не хорошо? Именно потому, что жизнь в больнице скучна, это твоя судьба, научиться этому сейчас. Лучше иметь цель. Как много ты хотела бы сделать в качестве цели?»

"Письма." Вайолет сказала, будто сквозь кашель. «Я хочу научиться писать письма». Её голос звучал нетерпеливо и срочно.

Глаза и рот Ходжинса широко раскрылись в недоумении. Это было отличное предложение. На самом деле он собирался направить дело в то же русло, в свое собственное удобство.

«Почему ...ты решилась на это? Маленькая Вайолет, ты редко хочешь сделать что-то определённое. Конечно, помимо тренировок...».

«Письма могут доставить слова тем, кто далеко. Здесь нет устройств связи. Однако, если бы я написала письмо ... и получила ответ, хотя я не использовала бы свой голос, это практически то же самое, что и разговор. У майора может не быть свободного времени для этого. И все же я ... тот факт, что я, его инструмент, здесь ... для майора ...».

Даже когда она ещё не закончила говорить, он понял.

«Майору...»

Вайолет не хотела быть забытой. Она хотела напомнить Гилберту Бугенвиллею о ее существовании как орудия, которое было здесь ради него.

«Ты хотела донести до него свои мысли».

«Да... Нет... Нет, скорее всего... Да». Пришел невыразительный ответ.

У неё не получалось правильно выразить свои чувства. Ходжинс знал это. Каждый раз, когда он открывал дверь в ее комнату, он видел, как исчезают ожидающие выражения Вайолет.

— Ааа, ничего хорошего. Это не хорошо.

Ходжинс прижал веки одной рукой и выдохнул.

«Президент Ходжинс?»

«Хм, прости, просто подожди. Я скоро приду в себя».

Он взмахнул другой рукой и отвернулся в сторону. Уголки его глаз горели. У него защемило в груди. Он прикусил губу, пытаясь как-то устранить боль в сердце болью своего тела, но безрезультатно.

— Интересно, старею ли я?

Когда он был тронут «человечным» лицом, которое автоматическая кукла-убийца непреднамеренно показала ему, по какой-то причине ему захотелось плакать.

— Мне так грустно, это так мучительно.

Звук его всхлипов достиг ушей Вайолет. Ее плечи вздрогнули в тревоге, словно как и маленький зверь, чувствующий опасность. Это было только телесное впечатление Ходжинса, но от нее исходила аура незнания того, как справиться с данной ситуацией.

«Просто подожди еще тридцать секунд ...»

Вайолет пробежала глазами вокруг. Ее голубые глаза тщательно искали в комнате что-то, что необходимо в такой ситуации. Она сняла с тумбочки платок и плюшевого черного кота с кровати. Поскольку силы ее захвата всё ещё не была слабой, они упали на пол, не достигнув Ходжинса. К тому моменту, как она присела на корточки, чтобы забрать их, Ходжинс уже пришел в норму. Он тоже присел, помогая ей.

«Ты случайно не пыталась меня успокоить?»

Его мучительно сжатое сердце растаяло на ее неуклюжую мягкость. Форма любви непохожая на романтическую расцвела глубоко в его груди.

«Президент Ходжинс, вы говорили ранее, что в раннем детстве вы прижимались к игрушке, похожей на эту черную кошку, чтобы обмануть чувство одиночества всякий раз, когда вы плакали, что о вас не заботились родители...»

Однако вышеупомянутое чувство сдуло в следующую же секунду.

«Я ... рассказал тебе даже это!?»

«Однажды вы пришли сюда пьяным, после деловых переговоров, и почти два часа рассказывали о половине вашей жизни».

Теперь Ходжинс хотел плакать по другому поводу.

«Маленькая Вайолет, если я в следующий раз появлюсь пьяным, ничего страшного, если ты не будешь слушать мои слова всерьез. Ты даже можешь ударить меня. На самом деле ... я буду избегать алкоголя. Теперь я буду пить чай. Я буду жить с чаем. Ааа, как неловко ... что я сказал после этого? ».

«То, что вас зовут Клаудия... потому что ваши родители верили, что вы родитесь девочкой, но вы в любом случае получили это имя, и с этим было трудно жить».

«Хорошо, давайте вернемся к работе над письмом, Маленькая Вайолет».

Клаудия Ходжинс был на пределе бесчисленное количество раз.

Новый эксперимент дуэта начался с того, что она смогла держать перьевую ручку. От простого написания одного символа ручка откатывалась, и она хваталась за неё обратно.

Ее силуэт, когда она пыталась поднять ручку, всякий раз, когда она падала на пол, снова заставляла сердце Ходжинса горевать.

«Не спеши».

Для Ходжинса, который посещал только военную академию, играть роль учителя было довольно трудно. То же самое относится и к Вайолет. Хотя она могла разбирать оружие, она не умела писать. У неумелого учителя и ученика не было иного выбора, кроме как принять неспособность друг друга. На ее нынешнем уровне он думал о ее способности писать письма как о чудесном будущем.

«Я хочу научиться писать... имя майора Гилберта».

По мере того, как она писала, пейзаж за окном постепенно исчезал.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: перевод редактируется

<http://tl.rulate.ru/book/4767/762636>